

УИЛЪЯМ БАТЛЕР ЙЕЙТС

Плавание в Византию

ФТМ

УДК 82-1
ББК 84(4Вел)
Й30

Перевод на русский язык, вступительная статья, комментарии
Г. М. Кружкова

Йейтс У. Б.

Й30 Плавание в Византию / Уильям Батлер Йейтс ; на англ. и рус. языках ; [пер. с англ., вступ. ст., коммент. Г. М. Кружкова]. — М. : ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2023. — 301 с. — (Серия «Мировая классика»).

ISBN 978-5-4467-3667-6

Уильям Батлер Йейтс (1865–1939) — ирландский англоязычный поэт, принадлежащий в равной степени ирландской и английской литературе, девятнадцатому веку и двадцатому. В его творчестве кельтские мотивы слились с теософией и оккультизмом, ренессансное ощущение мира как театра — с мистическим романтизмом Блейка и Шелли. Йейтс получил Нобелевскую премию по литературе в 1923 году, но свои лучшие произведения создал позже: это, прежде всего, сборники «Башня» (1928) и «Винтовая лестница» (1933). Для настоящего издания переводчик и исследователь творчества Йейтса Г. М. Кружков отобрал самые характерные стихи поэта — они представлены здесь в оригинале и в его переводе.

УДК 82-1
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-4467-3667-6

© Кружков Г. М., перевод на русский язык,
вступительная статья, комментарии, 2023
© Оформление.
ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2023

БУДУЩЕЕ В ПРОШЕДШЕМ: У. Б. Йейтс и его Великое Колесо возвращений

Кто, терпеливый,
Душу пытал на излом,
Судеб извивы
Смертным свивая узлом,
Ранясь, рискуя,
Маясь в крови и в поту, —
Чтобы такую
Миру явить красоту?

У. Йейтс

Прежде всего, Уильям Йейтс — поэт ирландский или английский? Казалось бы, ответ ясен. Йейтс — основатель Ирландского национального театра, Нобелевский комитет присудил ему премию как поэту Ирландии, сограждане избрали его в сенат Ирландской республики; портрет его — куда дальше ехать? — красуется на двадцатифунтовой ирландской банкноте. В конце концов, он сам себя понимал только так. В одном из последних стихотворений, обращаясь к поэтам-землякам, он завещал им верить в свое ремесло и быть верным традиции родной страны:

Чтобы навеки как талант свой
Сохранить в душе ирландство!

Но, с другой стороны, писал-то Йейтс по-английски. Его детские и юношеские годы поделены почти поровну между Ирландией и Англией. Он учился в лондонской школе (где нередко получал тумаки вот именно что за свое «ирландство»), в Лондоне он искал признания в молодости, когда делал первые литературные шаги и был удостоен благосклонного внимания Оскара Уайльда, здесь он ходил по редакциям, проводил многие часы в Британской библиотеке, дружил с поэтами из Клуба Рифмачей. И главное — Шекспир. Шекспир, которого он если не всосал с молоком матери, то впитал изуточно из монологов своего отца-художника. Шекспир,

которого так же не вырвать из творчества Йейтса, как самого Йейтса — не выкинуть из английской поэзии, где он занимает прочное и почетное место.

Сходные процессы происходили на окраинах всех больших империй. А Франц Кафка, родившийся в Праге, и ряд других выдающихся писателей и поэтов Австро-Венгерской империи? А Гоголь, плоть от плоти своей Диканьки и своего Миргорода, кто он — украинец или русский? Так было везде, где имперский язык, имперская культура наступала на культуру и язык своих национальных окраин.

У. Б. Йейтс (1865—1939) принадлежит в равной степени ирландской и английской литературе, девятнадцатому веку и двадцатому. Начинал он как поэт-символист и остался едва ли не единственным крупным представителем этого движения в Англии. Так и пишут в энциклопедиях: в Англии, мол, в отличие от Франции, России и других стран Европы, символизма как такового не было — разве что Йейтс. Но определить молодого Йейтса как символиста было бы слишком общо и неточно. Сам он, вспоминая молодые годы, писал: «Мы были последними романтиками».

Литературоведы рассматривают Уильяма Йейтса в рамках модернистской поэтики; но и это ничего не объясняет в его судьбе. Да, он — поэт модернистской эпохи, современник Томаса Элиота и Эзры Паунда. Но в отличие от двух названных поэтов он демонстративно придерживался антиавангардной позиции в искусстве. Йейтс никогда не старался бежать впереди прогресса — наоборот, он считал делом чести хладнокровно игнорировать его, идти не в ногу, стоять на своем, искать будущее в прошедшем. За это его называли чудачком, не раз пытались (особенно в тридцатые годы) «сбросить с парохода современности». Еще бы! В эпоху радио, аэропланов и профсоюзов он увлекался сказками, сагами о богах и героях, основывал какие-то загадочные эзотерические общества, искал истину в каббале, в картах Таро, в индийской философии, сочинял философско-мистический трактат о вечном круговороте души и истории.

Можно сказать, что в эпоху наступившего материализма Йейтс представлял собой передовой, далеко выдвинутый вперед аванпост самого упрямого и закоренелого идеализма. Где-то рядом партизанили Честертон и Киплинг, Толкиен и К⁰. Но если Киплинг, занявший конформистскую позицию по отношению к современности, обнаруживал романтику, скажем, в паровозах и машинах, то Йейтс не отдал бы за них ни лепестка своей увядшей розы, ни камешка старой башни. И если Толкиен четко отделял свою реальную профессорскую жизнь от блужданий в Средиземье, для которых существовали особые часы творчества да задняя комната оксфордского кафе «Орел и Дитя», то Йейтс, как истинный символист, не разделял жизни и стихов. Как заболевший кот обшаривает всю округу в поисках особой травки — единственной, которая может его исцелить, — так Йейтс искал противоядие от низкого практицизма века где только мог — в фольклоре и античной философии, в оккультизме и теософии.

При всем при том он был ирландец — наследник древней кельтской традиции в литературе, духовный потомок друидов и бардов. Родина Йейтса — портовый город Слайго, на западе Ирландии. Его предки по материнской линии были моряками и купцами, по отцовской линии — священниками. Отец поэта, Джон Батлер Йейтс, получил юридическое образование, но в двадцать восемь лет резко оборвал карьеру адвоката и уехал в Лондон учиться живописи. Он стал художником, замечательным портретистом; благодаря его рисункам мы можем увидеть Уильяма таким, каким он был в детстве, — смуглым задумчивым мальчиком, углубленным в книгу. Чем-то эти портреты похожи на детские портреты Пастернака, набросанные его отцом, Леонидом Пастернаком. Да и сами эти художники, Йейтс-отец и Пастернак-отец, были чем-то похожи — может быть, серьезностью своего отношения к искусству, независимостью от модных течений эпохи; оба они оказали основополагающее влияние на сыновей; оба провели поздние годы в эмиграции: Джон Йейтс в Америке, Леонид Пастернак в Англии.

Детские годы Уильяма Йейтса прошли в Лондоне, за исключением летних каникул, когда его отвозили к родственникам в Слайго. Он любил слушать рассказы крестьян о волшебстве и духах, любил одинокие прогулки по лесам и холмам, ночи на морском берегу. Сочинять романтические стихи Уильям начал, учась в художественной школе в Дублине; его ранние опыты заслужили одобрение известных поэтов, в том числе Хопкинса и Оскара Уайльда. Путь его определился раз и навсегда. «Моя жизнь в моих стихах, — писал он другу. — Ради них я бросил свою жизнь в ступу. Я растолок в ней юность и дружбу, покой и мирские надежды... Я похоронил свою юность и возвел над ней гробницу из облаков».

Йейтсу было двадцать четыре года, когда он встретил Мод Гонн — женщину, которой суждено было стать его музой, его долгой безнадежной любовью. Она была ослепительной красавицей, богатой и независимой, но при этом пылкой революционеркой, одержимой идеей ирландской независимости. Они подружились. Мод втянула его в патриотическое движение, Уильям посвятил ее в свои оккультные и поэтические интересы. Патриотизм Йейтса был далек от экстремистских крайностей, в Ирландии он видел прежде всего страну поэзии и оплот древней чести, попираемой прагматической и меркантильной Англией. И когда Джордж Рассел писал ему: «Из Ирландии воссияет свет, который преобразит эпохи и народы (*не правда ли, язык мессианства повсюду одинаков?*)», — Йейтс вполне разделял энтузиазм своего друга.

В 1899 году вышел сборник «Ветер в камышах» — высшее достижения раннего Йейтса, поэта «кельтских сумерек». Мир этой книги населен призраками и тенями; повсюду поэту мерещатся таинственные «сиды» — духи, населяющие холмы и ветреные равнины Ирландии. Они же — древние боги, племя богини Дану, они же — вечные голоса, звучащие в шуме ветра, в ропоте тростника, в сумасшедшем звоне ночных цикад. По настроению, по порыву — выйти за грань обыденного, дневного бытия — они близки к написанным двумя-

тремя годами позже стихам Блока, например: «*Я вышел. Медленно сходили / На землю сумерки зимы...*», или: «*Я вышел в ночь — узнать, понять / Далекий шорох, близкий ропот, / Несуществующих принять, / Поверить в мнимый конский топот*». С такого же *выхода* начинается «Песня скитальца Энгуса»:

I went out to the hazel wood
Because a fire was in my head...

Я вышел в темный лес ночной,
Чтоб лоб горящий остудить...¹

Период между сборниками «Ветер в камышах» и «Ответственность», с 1899-го по 1914 год, был у Йейтса наименее урожайным на стихи. В это время основные труды поэта были связаны с Театром Аббатства — первым ирландским национальным театром, одним из основателей и многолетним директором которого он был. Стиль поэта постепенно менялся, становился прямее, энергичней. Важной оказалась его дружба с молодым Эзрой Паундом, который в 1914—1916 годах практически стал секретарем Йейтса. Скажем, первая пьеса Йейтса в стиле японского театра Но, «У Ястребиного источника», была не только навеяна исследованиями Паунда в области японского театра, но и практически написана в соавторстве с ним: Йейтс диктовал текст, а Паунд записывал его и критиковал. Тут работала сложная диалектика: с одной стороны, Эзра искренне восхищался Йейтсом, выделяя его из всех прочих «поэтических староверов», с другой стороны, он постоянно внушал «дядюшке Вилли» свои имажистские идеи. «Поэт должен быть современным человеком, — утверждал

¹Между прочим, знаменитую концовку этого стихотворения: «The silver apples of the moon, / The golden apples of the sun», — я перевел с ходу еще двадцать лет назад, но лишь недавно мне удалось удовлетворительно перевести начало. Это случилось не раньше, чем я заметил в слове «hazel» (орешник) в первой строке прячущееся слово «haze» — дымка, туман, мгла.

Паунд. — Ясность, точность, и никаких абстракций». Не правда ли, похоже на манифест русского кларизма или акмеизма? Как бы то ни было, именно под влиянием Паунда завершилась давно желаемая и ожидаемая метаморфоза стиля Йейтса.

Существует любопытный синхронизм политических событий в XX веке в Ирландии и в России: ирландское восстание против англичан в 1916 году, обретение независимости в 1918-м, Гражданская война 1921—1923 годов происходили более или менее параллельно с русскими революциями и Гражданской войной. Когда в 1916 году разразилось «Пасхальное восстание», закончившееся казнью шестнадцати главарей (среди них — троих поэтов), реакция Йейтса была неоднозначной. В первый момент он возмутился «глупостью» этих людей, пожертвовавших жизнью своих собратьев и своей собственной жизнью из чистого нетерпения; но через несколько недель его взгляд изменился и он написал стихотворение «Пасха 1916 года» с его знаменитым рефреном: «All changed, changed utterly: / A terrible beauty is born» («Все изменилось, неузнаваемо изменилось: родилась страшная красота»). Эта «страшная красота» Йейтса, очевидно, сродни пушкинскому «упоению на краю», или жуткому восторгу Блока перед бурей революции в «Двенадцати», или трагическим прозрениям Мандельштама в «Петропольском цикле».

Поэтическая карьера Йейтса распадается на два периода, который можно назвать «дореволюционным» и «послереволюционным». Весной 1917 года он купил свою знаменитую башню Тур Баллили, которая стала символом его поздней поэзии, в октябре женился (что было в некотором роде революционным шагом для пятидесятидвухлетнего холостяка); наконец, в этом же году он написал прозаическую книгу *Per Amica Silentia Lunae*, где в фрагментарной форме изложил свое поэтическое и философское кредо.

Трудно исчислить все чудеса этого года. Достаточно сказать, что в ноябре 1917-го, когда «призраки коммунизма» штурмовали Зимний дворец, другие призраки